

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ СВОБОДУ (ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ)

В настоящее время многие отечественные исследователи отмечают несовершенство действующих норм Уголовного кодекса Республики Беларусь в сфере охраны половой свободы и половой неприкосновенности. Так, одним из актуальных вопросов является тезис о целесообразности разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 УК. Некоторые ученые указывают на искусственность выделения в разные составы в сущности единого преступления, поскольку нелогичным видится исключение из состава изнасилования совершение насильственного естественного полового сношения, совершенного женщиной в отношении мужчины. Однако, прежде чем перейти к анализу данной проблемы, следует обратить внимание на различия в построении вышеуказанных норм.

Так, основным объектом посягательства и при изнасиловании, и при насильственных действиях сексуального характера выступает половая свобода (половая неприкосновенность), дополнительным же объектом – здоровье и жизнь потерпевших, а в отношении несовершеннолетних – также их нормальное нравственное и физическое развитие. Однако половая свобода по ст. 167 УК имеет собственное значение, так как в первую очередь это добровольность в выборе способа удовлетворения своих сексуальных потребностей. Более того, данная норма в отличие от ст. 166 УК охраняет в равной степени половую свободу как женщин, так и мужчин.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 167 УК, является лицо, достигшее 14-летнего возраста, независимо от пола в отличие от субъекта изнасилования, которым может быть признан только мужчина. При этом непосредственным исполнителем, например, мужеложства может быть только лицо мужского пола. Как и в изнасиловании, объективная сторона насильственных действий сексуального характера имеет сложный состав и применяемое при них насилие является частью объективной стороны преступления, следовательно, соисполнителем мужеложства может быть признано лицо женского пола (при наличии к этому оснований).

Основные отличия касаются объективной стороны преступлений. Так, под половым сношением в рамках ст. 166 УК понимается естественный физиологический гетеросексуальный половой акт, совершаемый мужчиной в отношении женщины. В случае же преступления, предусмотренного ст. 167 УК, можно выделить следующие виды деяний: мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера, способные по своей природе существенно нарушить половую свободу и половую неприкосновенность. При этом общественная опасность таких действий и, как следствие, охрана данных общественных отношений УК связаны не с извращенностью форм сексуальных действий, а с насильственным способом их совершения.

Под мужеложством традиционно понимают половое сношение мужчины с мужчиной. Лесбиянство же охватывает самые различные действия, совершаемые лицами женского пола в отношении друг друга без использования посторонних предметов, связанные с удовлетворением половой страсти. Под иными действиями сексуального характера подразумеваются способы удовлетворения полового влечения между лицами разного пола, нарушающие телесную неприкосновенность потерпевшего лица, которые связаны с воздействием на область половых органов или проникновением в естественные полости тела хотя бы одной стороны сексуального контакта, а также не сопровождающееся половым контактом совершение садистских действий, истязания, иных действий с целью удовлетворения половой страсти насильника либо издевательства над жертвой.

С учетом результатов анализа и сопоставления вышеуказанных составов преступлений возникает очевидная уголовно-правовая проблема: разграничение уголовно-правовых норм в зависимости от формы половых сношений приводит к необоснованному усилению ответственности в зависимости от способа удовлетворения половой страсти. Это можно иллюстрировать следующим примером: одно лицо совершает два раза насильственное половое сношение с потерпевшей (ч. 1 и 2 ст. 166 УК), а другое лицо – первый раз – половое сношение, а второй раз – сношение в одной из форм, закрепленных в качестве иных действий сексуального характера (ч. 1 ст. 166 и ч. 2 ст. 167 УК), действуя при этом независимо друг от друга. Во втором случае в соответствии с применяемой ч. 3 ст. 72 УК может быть использован только принцип сложения наказаний и окончательное наказание в виде лишения свободы может достигать 20 лет. В первом же случае при квалификации деяния по ч. 1 и 2 ст. 166 УК применяется принцип поглощения наказаний в соответствии с ч. 1 ст. 71 УК и наказание в соответствии с санкцией не может превышать 13 лет лишения свободы.

Таким образом, налицо усиление ответственности только лишь за выбранную виновным форму удовлетворения половой страсти. Однако, по нашему мнению, уголовная ответственность должна дифференцироваться не в зависимости от формы полового сношения, поскольку ключевым моментом в криминализации является насилие или использование беспомощного состояния потерпевшей. Законодателем установлена равная степень общественной опасности для преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 УК, однако при их сочетании происходит ее резкое ничем не подкрепленное усиление, которого можно избежать, объединив указанные выше преступления.

На нецелесообразность разделения сексуальных действий указывает и анализ медицинской литературы, который показал, что половое сношение в медицине толкуется шире, чем принято в уголовном праве, и включает не только половой акт между мужчиной и женщиной, совершенный во влагалище, но и целый ряд других действий, обособляемых от него в уголовном праве (анальный акт, оральный акт, аксиллярный акт, акты между представителями одного пола и иные). Кроме того, в современной сексологии формы половой жизни не делятся на естественные и неестественные.

Как отмечает А.Н. Игнатов, попытки определить половое сношение в уголовно-правовом смысле являются несостоятельными, поскольку, когда уголовное право не пользуется специальными юридическими терминами, а заимствует

понятие из другой науки и области знания, то содержание этого понятия должно быть тождественно их определению в соответствующей науке.

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, более верным было бы исключение ст. 166 и включение в ч. 1 ст. 167 УК альтернативного действия в виде изнасилования без дифференциации потерпевших по их полу, что позволит рассматривать естественный и неестественный половые акты как альтернативные действия объективной стороны преступления и учитывать это при назначении наказания. По аналогии с изнасилованием необходимо также ввести ответственность за применение насилия либо его угроз к близким потерпевшей (потерпевшего) при совершении действий, указанных в ст. 167 УК, поскольку исключение данного обстоятельства необоснованно сужает область применения уголовной ответственности.

УДК 343.2

И.И. Лапцевич

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТОЛКОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ст. 117 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Уголовный закон, проявляя гуманность к несовершеннолетним преступникам, в качестве одной из форм реализации уголовной ответственности выделяет принудительные меры воспитательного характера. Таким мерам в Уголовном кодексе Республики Беларусь посвящена ст. 117, которая содержит их перечень, раскрывает содержание, называет основания и условия, необходимые для применения таких мер. Так, к принудительным мерам воспитательного характера относятся: предостережение, принесение извинения потерпевшему, возмещение причиненного ущерба, ограничение свободы досуга, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Статья 117 УК не содержит указаний о количестве принудительных мер воспитательного характера, которые могут быть одновременно применены к несовершеннолетнему. Из правоприменительной практики следует, что к несовершеннолетнему судом при постановлении обвинительного приговора может быть применено несколько видов принудительных мер воспитательного характера. Например, приговором суда несовершеннолетняя Я. осуждена по ч. 1 ст. 205 УК. Определяя форму реализации уголовной ответственности, суд пришел к выводу о возможности исправления несовершеннолетней посредством применения к ней принудительных мер воспитательного характера, избрав их следующие виды: предостережение, разъяснив Я. последствия повторного совершения преступлений; возложение обязанности публично принести извинение потерпевшей; ограничение свободы досуга сроком на шесть месяцев, заключающееся в ограничении пребывания вне дома в период с 21:00 до 6:00 следующего дня.

Судебная практика следует разъяснениям Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, который однозначно по данному поводу констатирует, что «несовершеннолетнему одновременно может быть назначено несколько принудительных мер воспитательного характера, например, предупреждение и возложение обязанности публично или в иной форме, определяемой судом, принести извинения потерпевшему» (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»). Однако, на наш взгляд, такие пояснения требуют закрепления непосредственно в уголовном законе, поскольку обусловлены возложением на осужденного повышенных требований, ограничений и обязанностей.

По такому пути пошел, например, модельный УК государств – участников СНГ, предусмотрев в ч. 3 ст. 98 возможность применения в отношении несовершеннолетнего «одновременно несколько принудительных мер воспитательного характера». Обращаясь к уголовному законодательству государств – участников СНГ, отметим, что преобладающее большинство уголовных законов восприняли предложенные рекомендации и закрепили возможность одновременного применения нескольких принудительных мер воспитательного характера (воздействия): Республики Азербайджан (ч. 3 ст. 88), Республики Армения (ч. 4 ст. 91), Республики Казахстан (ч. 2 ст. 84), Республики Молдова (ч. 3 ст. 104), Российской Федерации (ч. 3 ст. 90), Республики Таджикистан (ч. 3 ст. 89), Туркменистана (ч. 3 ст. 89), Украины (ч. 3 ст. 105). Законодатель Кыргызской Республики ограничил количество одновременно применяемых в отношении несовершеннолетнего принудительных мер воспитательного характера до двух (ч. 2 ст. 103 УК). Исключением в данном случае является УК Республики Узбекистан, в котором лишь перечислены принудительные меры, которые могут быть применены к несовершеннолетнему, без дополнительных пояснений относительно их совместного назначения (ст. 88).

Для сравнения отметим, что УК 1960 г., как и УК 1999 г., не содержал оговорки о возможности применения к несовершеннолетнему нескольких видов принудительных мер воспитательного характера. Придерживаясь буквального толкования уголовного закона, Е.В. Кичигина и П.А. Дубовец отмечали, что «при применении принудительных мер воспитательного характера суд может назначить только одну из мер, перечисленных в ст. 60 УК». Позиция ученых видится целесообразной, поскольку «важной гарантией законности является применение уголовного закона в точном соответствии с его текстом». Представляется, что указанное суждение применимо и к положениям действующей редакции ст. 117 УК.

Таким образом, в целях совершенствования законодательной регламентации осуждения несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера предлагаем ст. 117 УК дополнить ч. 2¹, в которой закрепить возможность одновременного применения в отношении несовершеннолетнего несколько принудительных мер воспитательного характера. Такая дополнительная конкретизация будет также нацелена на соблюдение принципа законности, поскольку важный элемент данного принципа составляет надлежащее толкование уголовно-правовой нормы, что, соответственно, способствует ясности и однозначности понимания текста самого уголовного закона.